

18+

Дмитрий Голяков

СЕВЕРНЫЙ ВОЛК

Чужак

Дмитрий Голяков

Северный волк. Чужак

«Издательские решения»

Голяков Д.

Северный волк. Чужак / Д. Голяков — «Издательские решения»,

Бывший спецназовец Егор Северов пять лет бежит от жизни — пока загадочный камень с рунами не переносит его в мир, где князья режутся за землю, а колдуны пьют детскую кровь. Здесь он — чужак. Но, когда степная орда идёт на маленькую крепость Звенигору, Егор вспоминает, зачем рождён: защищать. С ножом против сабли, совестью против магии — он начнёт войну, которая либо спасет его душу, либо поставит на ней крест.

© Голяков Д.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Чужак	6
Глава 2. Первая кровь	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Северный волк Чужак

Дмитрий Голяков

© Дмитрий Голяков, 2026

ISBN 978-5-0069-9994-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Чужак

Сентябрь под Москвой выдался серым и промозглым, будто само небо решило напомнить Егору Северову, что жизнь — штука паршивая. Он стоял на крыльце съёмной квартиры в Балашихе, застегивал куртку и смотрел, как с клёнов сыплется жёлтая листва. Ветер швырял её в лицо, и Егор невольно щурился — привычка, оставшаяся с тех пор, когда любая летящая соринка могла оказаться осколком.

Пять лет прошло. Пять лет, как он держал руль той проклятой «Нивы», как увидел встречные фары на трассе, как услышал визг тормозов... и как замолчал детский смех навсегда. Света и Алиса. Жена и дочь. Он выжил, потому что ремень держал крепко, а их — нет. Следователи сказали: «Не ваша вина, встреча вылетела на полосу». Но он-то знал: если бы не уснул на секунду, если бы не перенёс ту операцию под Грозным — успел бы уйти. Или хотя бы их пристегнул. А он вечно спешил, вечно думал, что успеется.

— Не успелся, — сказал он себе в пустоту и сплюнул.

Сегодня был день, когда он раз в месяц ездил на кладбище. Женщина снизу, тётя Люба, говорила: «Егорушка, отпусти ты их, Бога ради, молодая ещё душа загубишь». Он молча кивал и ехал дальше. Инструктор по рукопашному бою — работа на полставки в частном клубе. Денег хватало на еду и выпивку. С женщинами он не сближался, друзей растерял, потому что на звонки отвечал: «Норм, всё норм». Даже бывшие сослуживцы перестали звать на охоту.

— Север, ты как зомби, — сказал ему майор Кормильцев полгода назад. — Сходи к психологу, мать твою.

— Сам схожу, — ответил Егор и больше не брал трубку.

Машины он продал через год после аварии. Теперь ездил на электричке. Так даже лучше: можно стоять у двери, смотреть в окно и ни с кем не разговаривать. Сегодня он сел на утреннюю до Фрязево, потом пересел на автобус до деревни Кудиново. Кладбище было за лесом, в километре от остановки.

Лес в это время года пах сыростью и грибами. Егор шёл по натопанной тропе, поглядывая по сторонам — привычка, от которой не избавиться. Левая рука на поясе, там, где когда-то висела кобура. Сейчас там только нож в кожаном чехле — складной «Бенчмейд», подарок старшего брата, который погиб в Чечне в девяносто шестом. Брат учил его: «В любой непонятной ситуации имей при себе железку. Нож не стреляет, но душа спокойнее».

Егор свернул с тропы туда, где за буреломом начиналась тихая поляна с могилами. Но что-то его остановило. Запах. Не тот лесной, прелый, а чужой — металлический, сладковатый, как кровь. Он замер, присел за стволом сосны, прислушался. Тишина. Ни птиц, ни ветра. Аномальная, ватная тишина.

— Ну давай, — прошептал он. — Кто тут?

Никто не ответил. Егор медленно двинулся вперёд, делая шаг и снова замирая. Через двадцать метров лес расступился, и он увидел поляну, которой раньше здесь не было. Вернее, она была, но не такая. В центре стоял огромный валун серого камня, покрытый мхом и какими-то чёрными знаками. Вокруг валуна земля выгорела кругом, трава почернела, а воздух над камнем дрожал, как над асфальтом в жару.

— Аномальная зона? — Егор не верил в мистику, но десять лет в спецназе научили его не игнорировать очевидное.

Он достал нож, раскрыл его плавным движением. Подошёл ближе. На камне были вырезаны руны — не славянские, не скандинавские, а какие-то угловатые, с завитками. И между рунами — засохшая бурая жидкость. Кровь. Судя по свежести — дня три назад.

— Окультисты хреновы, — пробормотал Егор. — Нашли место.

Он уже хотел развернуться и вызвать полицию — нафиг эти приключения, — но камень вдруг дёрнулся. Не то чтобы сдвинулся с места, а словно пульсировал, набухал изнутри. Из трещин вырвался пар, а затем — низкий, утробный гул, от которого заныли зубы. Егор попятился, но ноги вдруг стали ватными. Перед глазами поплыли круги, земля ушла из-под ног, и он провалился в темноту, чувствуя, как воздух вокруг становится горячим и чужим.

Очнулся он лицом в траве. Жесткой, сухой, пахнувшей полыньёю и конским потом. Голова раскалывалась, во рту было горько, как после перепоя. Егор перекатился на спину и открыл глаза.

Над ним было небо. Но не то серое, подмосковное, а ярко-синее, с белыми облаками, какие бывают только в августе. Солнце висело низко, но пекло нещадно. Егор сел, огляделся.

Он лежал на краю поля, поросшего высокой жёсткой травой. Шагах в пятидесяти начинался лес — тёмный, густой, с огромными дубами, каких в Подмосковье не встретишь. А справа, за лугом, виднелся дым. Не лесной пожар — ровный, вертикальный столб, как от трубы. Но труб здесь быть не могло.

Егор проверил карманы. Нож на месте, зажигалка, фонарик на брелоке, телефон — есть, но сети нет, и часы показывают два часа дня, хотя солнце явно клонится к закату. Паспорт, тысяча рублей мелочью. В рюкзаке — бутылка воды, армейское сухпайк и аптечка. Маловато для выживания в неизвестности.

— Твою ж дивизию, — выдохнул он.

И тут услышал крики. С той стороны, где дым. Крики были не человеческие — дикие, гортанные, с визгом. И звон металла. Егор знал этот звук: клинки. Не фехтовальные, не спортивные — боевые, где железо бьётся о железо с такой силой, что искры летят.

Он вскочил, пригибаясь, побежал к лесу, чтобы обойти открытое пространство. Но крики приближались. Из леса на поляну выскочили трое. Двое в кожаных куртках и островерхих шапках, с саблями наголо, преследовали третьего — парня в грязной кольчуге и пробитом шлеме. Тот споткнулся, упал, и нападавшие налетели на него, как волки.

Егор не думал. Он просто побежал. Через двадцать метров понял, что не успеет: один из нападавших уже занёс саблю над лежащим.

— Эй! — заорал Егор и швырнул первое, что попало под руку — камень. Камень попал в плечо тому, кто с саблей. Тот обернулся, и его лицо... Егор в жизни не видел такой рожи. Скулы выпирали вперёд, глаза маленькие, чёрные, кожа смуглая, на щеках — шрамы в виде дуг. Степняк. Типичный кочевник, каких показывают в фильмах про древнюю Русь. Но фильмы — это одно, а когда на тебя с визгом несётся человек с настоящей кривой саблей — это другое.

Второй отвлёкся от парня в кольчуге и тоже бросился на Егора. Двое против одного. Плохо.

Но Егор не был бы «Севером», если бы не умел работать ножом. Он ушёл в сторону, пропуская первый удар сабли — клинок просвистел в сантиметре от живота. Второй степняк рубил сверху, и это было ошибкой: рука на замахе открыта. Егор шагнул внутрь, перехватил его запястье левой, а правой, с ножом, всадил лезвие в шею — туда, где сонная артерия. Коротко, глубоко, с поворотом.

Первый взвыл, отскочил, но не побежал. Он замер, оценивая противника. Егор стоял в стойке, нож внизу лезвием вперёд, ноги пружинят. Кровь на руке горячая, липкая. Второй степняк уже хрипел на земле, зажимая горло.

— Иди сюда, — тихо сказал Егор.

Степняк сказал что-то на своём языке и бросился. Не рубя, а колющим — сабля летела в живот. Егор не стал ловить блок — он отбил предплечьем руку с оружием, уходя в разворот, и одновременно вогнал нож в подмышку противника. Тот взвыл, выронил саблю, но в ответ

ударил кулаком в челюсть. Егор пошатнулся — удар был зверский, скула сразу взорвалась болью. Но он устоял, перехватил нож поудобнее и рубанул по сухожилиям на ногах. Степняк рухнул, как подкошенный.

— Готов, — выдохнул Егор и отступил на шаг.

Парень в кольчуге уже поднялся, держась за пробитое плечо. Он смотрел на Егора широко раскрытыми глазами и бормотал что-то. На русском.

— Спасе, — повторил он. — Спасе, кто ты? Откуда?

— Я? — Егор вытер нож о траву, сложил и убрал в карман. — Я отсюда.

— Нет, — парень помотал головой, снял пробитый шлем. Под ним оказалось молодое, измождённое лицо, русые волосы, слипшиеся от пота. — Откуда ты такой? Никто так не дерется. Никто. Ты... ты колдун?

— Колдун? — Егор чуть не рассмеялся. — Нет, брат. Я просто очень злой человек.

И тут до него дошло окончательно: кольчуга, сабли, степняки, речь парня «спасе» вместо «спасибо» — это не реконструкция. Это настоящее. Он попал в прошлое. Или в другое измерение. Или сошёл с ума. Вариант с сумасшествием показался вдруг самым правдоподобным.

— Где мы? — спросил он, садясь на землю. Руки дрожали — адреналин схлынул, оставляя слабость.

— Дикое поле, — ответил парень. — Меж двух княжеств. А ты, видно, и впрямь чужак. Только откуда ж ты выпал, воин?

— Из Балашихи, — сказал Егор и усмехнулся собственной шутке.

Парень не понял. Но переспрашивать не стал — заозирался по сторонам, подобрал саблю убитого степняка и протянул Егору.

— Держи. Они скоро вернуться. У них большой отряд. Нам надо уходить, пока не стемнело. Ты идёшь со мной, чужак. Если не хочешь, чтобы тебя зарезали во сне.

Егор взял саблю. Тяжёлая, непривычная, с неприятным запахом старого железа и крови.

— Ладно, — сказал он. — Веди. Только если что — я не умею на этом махать.

— Умеешь, — парень кивнул на двух мертвых степняков. — Умеешь, чужак. Ещё как умеешь.

Деревня оказалась меньше, чем казалось издали. Егор насчитал два десятка дворов, покосившиеся плетни и одну улицу, утопанную в грязь. В воздухе висела смесь дыма, навоза и жареного мяса — кто-то уже готовил ужин, несмотря на недавний бой.

Малюта вёл его к крайней избе, где у крыльца сидела старая женщина в чёрном платке. Она что-то шептала, перебирая сухие травы в глиняной плошке.

— Бабка Ожога, — кивнул Малюта. — Она тут за знахарку. И за колдунью, если честно. Только ты при ней про колдовство не бай — она злится.

— А что, правда колдунья? — спросил Егор.

— Правда не правда, а раны затягивает, как на собаке. У меня в прошлом году ногу топором разрубил — через седмицу бегал.

Бабка Ожога подняла голову. Глаза у неё оказались светлыми, почти белыми — то ли от старости, то ли от чего другого. Она посмотрела на Егора и вдруг замерла.

— Ох ты ж, — выдохнула она. — Гость нежданный. Откуда ж ты вывалился, родимый?

— С севера, — повторил Егор легенду.

— Врёшь, — старуха усмехнулась беззубым ртом. — Но не мне тебя пытаться. Заходи, покажу, где спать будешь. Малюта, иди к князю, доложи, что чужака пристроили.

Малюта кивнул и ушёл, оставив Егора одного со знахаркой. Внутри изба оказалась чистой, хотя и бедной: лавки вдоль стен, печь в углу, на полках — горшки и связки трав. Пахло мятой и чем-то горьким, вроде полыни.

— Садись, — бабка указала на лавку. — Есть будешь?

— Не откажусь.

Она поставила перед ним миску с похлёбкой — жидкой, с кусками мяса и чем-то похожим на репу. Егор ел осторожно, прислушиваясь к себе: вдруг отравят? Но голод взял своё, и через пять минут миска опустела.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари. Ты мне зачем-то нужен, — бабка села напротив и уставилась на него своими белыми глазами. — Ты не здешний. Совсем не здешний. Я чую. От тебя пахнет железом и гарью, но не тем железом, что в кузнях плавят. Другим. И временем от тебя пахнет — чужим временем.

Егор напрягся. Рука невольно потянулась к карману, где лежал нож.

— Не бойсь, — старуха махнула рукой. — Я не выдаю. Я сама такая — чужая. Меня в девках колдуньей называли, из села выгнали, так я сюда прибилась. Тут хоть за свою работу не жгут. Князь Ярополк умный — он знает, что без нас, знахарок, его люди быстрее мрут.

— Вы можете меня отправить обратно? — спросил Егор. — Туда, откуда я пришёл?

— Камень? — бабка усмехнулась. — Нет, родимый. Камень — это ловушка. Он не портал, он... как сеть. Ты просто попал в неё. И выберешься только тогда, когда сам поймёшь зачем.

— Зачем — что?

— Зачем тебя сюда выбросило.

Она замолчала, отвернулась к печи и начала переставлять горшки. Егор понял, что большего от неё не добьётся. Встал, поблагодарил и вышел во двор.

Ночь наступала быстро. Небо потемнело, звёзды высыпали такие яркие, что от них падал свет — как от далёких фонарей. Егор никогда не видел такого неба. В Подмосковье звёзды всегда прятались за городской засветкой.

Он нашёл сарай, где бабка велела спать, набросал сена в угол и лёг, не снимая бушлата. Берцы стянул — они натирали после долгого перехода. Нож положил под голову.

Засыпая, он прокручивал в голове события дня: камень, провал, бой, князь, старуха со странными речами. Всё это походило на бред больного воображения. Но рука болела — там, где он ударил степняка. И во рту был вкус чужой крови.

— Твою мать, — прошептал он в темноту. — Твою мать, где я?

Никто не ответил.

Утром его разбудил Малюта.

— Вставай, чужак. Князь велел тебя на смотр привести. Покажешь, на что способен.

Егор открыл глаза. За окном сарая серело — рассвет только начинался. Он сел, размял шею — спать на сене было непривычно, но лучше, чем на голой земле.

— Как плечо? — спросил он у Малюты.

— Бабка Ожога заговор сделала. Не болит уже. — Малюта покрутил рукой. — Она сильная. Даром что старая.

Они вышли на улицу. У ворот Звенигоры уже собирались люди: мужики в сермягах с рогатинами, несколько дружинников в кольчугах, пара лучников. В центре стоял князь Ярополк, рядом с ним — тот самый рыжий боярин, что возражал против найма Егора.

— Чужак! — крикнул князь. — Иди сюда. Покажешь, что умеешь.

— Что именно показать? — спросил Егор, подходя.

— Бой. — Ярополк кивнул на рыжего боярина. — Вот Могута, мой лучший мечник. Покажете друг другу приёмы. Без убийства, но в полную силу.

Могута был выше Егора на голову и шире в плечах. На поясе — длинный прямой меч, на руках — кожаные наручи. Он усмехнулся, обнажая щербатые зубы.

— Чужак, говоришь? — прогудел он. — А ну выходи. Посмотрим, как ты печенегов резал.

Егор огляделся. Ему предложили несколько мечей — тяжёлые, неуклюжие, с непривычной балансировкой. Он покачал головой.

— Нож, — сказал он. — Я буду с ножом.

Могута опешил.

— Ты смеёшься? Нож против меча? Да я тебя порублю, как капусту.

— Попробуй, — спокойно ответил Егор, доставая «Бенчмейд».

Князь поднял руку.

— Начали!

Могута не стал ждать. Он шагнул вперёд и рубанул мечом сверху — широко, сильно, как учили в дружине. Егор не стал ловить блок — он ушёл в сторону, сократил дистанцию и ткнул ножом в незащищённый бок. Могута отбил рукой, взревел и попытался достать его обратным ходом.

Егор присел, пропуская меч над головой, и рубанул ножом по ногам — не глубоко, царапнул голенище сапога. Могута отскочил, взбешённый.

— Да ты... — зарычал он, и снова бросился.

На этот раз Егор действовал иначе. Он не стал уклоняться — он шагнул вперёд, перехватил руку с мечом левой, а правой упёр нож в горло Могуты. Замерли оба.

— Ты мёртв, — сказал Егор тихо. — Если это по-настоящему.

Могута стоял, выпучив глаза. Меч повис в его руке бесполезной железякой. Вокруг замерли все — дружинники, мужики, даже князь Ярополк.

— Хватит, — сказал князь. — Отпусти его.

Егор убрал нож и сделал шаг назад. Могута опустил меч, глядя на него с уважением и страхом одновременно.

— Ты... откуда такому учился? — спросил он.

— Там, где не учат рубить сплеча, — ответил Егор.

Ярополк подошёл ближе, похлопал его по плечу.

— Хорош, — сказал он. — А теперь покажи, что умеешь с мечом.

— Я не умею с мечом, — признался Егор.

— Как это не умеешь? — удивился князь. — Ты же воин.

— Я воин с другим оружием. Мечом не владею.

Ярополк задумался. Потом подозвал кузнеца — коренастого мужика с прокопчённым лицом.

— Сделаешь ему оружие. Какое он скажет.

— Мне нужен не меч, — сказал Егор. — И не сабля. Мне нужен прямой клинок, длиной с локоть, с обоюдоострой заточкой. И два коротких ножа — в сапоги. И праща. И арбалет, если умеете.

— Арбалет? — переспросил кузнец. — Это что за зверь?

— Забудь, — вздохнул Егор. — Сделайте ножи и клинок.

Он понимал, что его навыки стрельбы из современного оружия здесь бесполезны. Но рукопашный бой, работа ножом, тактика — это то, что давало ему преимущество. И он собирался использовать это по полной.

— А теперь, — сказал князь, — пойдём, я расскажу, что происходит. Пора тебе узнать, против кого ты будешь воевать.

Князь Ярополк вёл его не в гридницу, а на высокий холм за околицей. Оттуда открывался вид на Дикое поле — бескрайнюю степь, уходящую до самого горизонта. Где-то там, за лентой реки, дымились костры. Много костров.

— Видишь? — Ярополк махнул рукой. — Это Всеволодовы люди. Третью седмицу стоят, всё подходят и подходят. Степняки, которых он нанял, жгут сёла, угоняют скот, а главные силы пока не трогают. Чего ждут — не пойму.

— Ждут, пока вы выдохнетесь, — сказал Егор. — Осада. Перекроют подвоз еды, сожгут поля вокруг, а потом ударят, когда люди начнут голодать.

Ярополк посмотрел на него с уважением.

— Ты не простой воин, чужак. Ты мыслишь, как воевода.

— Я мыслил, как солдат. — Егор помолчал. — Князь, скажите прямо: сколько у вас людей, сколько оружия, сколько еды?

— Людей — полсотни, если считать всех мужиков, кто может копьё держать. Оружия — на два десятка мечей, кольчуг — десять. Еды... на месяц, если понемногу.

— А у Всеволода?

— По слухам — три сотни. Из них полсотни степняков, остальные — его дружина и ополчение.

Егор присвистнул. Против шестикратно превосходящих сил держаться в открытом поле — самоубийство. Но в крепости, даже такой жалкой, как Звенигора, шансы были выше.

— Почему вы не уходите? — спросил он. — Почему не отступите за реку, в леса?

— Земля, — коротко ответил князь. — Это моя земля. От отца, от деда. Если я уйду — Всеволод её выжжет, и никто сюда не вернётся. А здесь люди живут, дети рождаются. Я не могу их бросить.

Егор ничего не сказал. Он слышал такие речи и раньше — от командиров, которые отказывались оставлять позиции, от офицеров, которые прикрывали отход своих солдат. Иногда это было глупостью. Иногда — единственным правильным решением.

— Ладно, — сказал он. — Покажите вашу крепость. Где слабые места, где запасы воды, где можно организовать оборону.

Ярополк кивнул и повёл его вдоль тына.

Тын оказался сложен из толстых брёвен, заострённых сверху. Местами брёвна подгнили, местами были проломы — видно, ставили наспех. Егор прикинул: с трёх сторон лес, с четвёртой — поле, по которому удобно наступать коннице. Единственное преимущество — ворота узкие, больше двух всадников рядом не пройдут.

— Здесь надо ставить частокол, — Егор показал на южную стену. — И выкопать ров. Даже неглубокий — лошадь затормозит.

— Нет людей, — вздохнул Ярополк. — Все, кто мог работать, уже на стенах.

— Тогда будем использовать то, что есть.

Они вернулись в деревню, когда солнце уже поднялось высоко. У ворот стояла толпа — человек двадцать, все с оружием. Впереди — Могута, рыжий боярин, и несколько мужиков в кожаных куртках.

— Княже, — сказал Могута, — люди хотят знать, что это за чужак, и почему он будет с нами воевать.

Ярополк посмотрел на Егора.

— Отвечай сам.

Егор шагнул вперёд. Он не умел говорить речей — в спецназе его учили другому. Но здесь нужно было объяснить этим людям, кто он и зачем.

— Я не князь, не боярин и не дружинник, — сказал он. — Я наёмник. Мне заплатили — я буду драться. Вы меня не знаете, я вас — тоже. Но у нас общий враг. Там, за полем, стоят люди, которые хотят вас убить, сжечь ваши дома и забрать ваших детей. Я не хочу, чтобы они это сделали. Не потому, что я герой. А потому, что я не люблю проигрывать.

Толпа молчала. Потом какой-то мужик в задних рядах сказал:

— А правда, что ты двоих печенегов голыми руками зарезал?

— Ножом, — поправил Егор. — И одного из них — вашим бывшим холопом Малютой, которого они чуть не убили.

Люди загудели. Кто-то перекрестился, кто-то сплюнул. Могута усмехнулся, но промолчал.

— Хватит, — сказал князь. — Все по местам. Чужак остаётся. Кто недоволен — может идти в степь и спросить у Всеволода, возьмёт ли он его в дружину.

Вопросы отпали.

Ближе к вечеру Егора нашёл Малюта.

— Чужак, — сказал он, подходя. — Бабка Ожога зовёт. Говорит, дело есть.

— Какое дело?

— Не баяла. Сказала: «Приведёшь — узнает».

Егор вздохнул. Старуха явно знала больше, чем говорила. И если она действительно колдунья, то могла помочь ему найти путь домой. Или хотя бы объяснить, что здесь происходит.

Он нашёл бабку в её избе. На этот раз она сидела не за травами, а перед маленьким костерком, сложенным прямо на полу из сухих веток. Дыма почти не было, но воздух дрожал, как над костром в жаркий день.

— Садись, — сказала она, не оборачиваясь. — Время пришло.

— Для чего?

— Для правды. — Бабка повернулась, и Егор увидел, что её белые глаза светятся — слабо, но явственно, как угли в печи. — Ты думал, что попал сюда случайно? Нет, родимый. Тебя призвали.

— Кто?

— Камень. Тот самый, у которого ты очнулся. Это не просто валун с рунами. Это — Ловец. Древняя вещь, ещё от волхвов. Он ищет сильных воинов из других миров и перетаскивает их сюда, когда мир наш начинает трещать по швам.

— Трещать? — переспросил Егор.

— Магия уходит, — тихо сказала бабка. — Раньше волхвы могли горы сворачивать, лечить любые раны, говорить с духами. Сейчас остались только осколки. Но есть те, кто хочет вернуть старую силу. Любой ценой. Даже ценой человеческих жизней. И они уже близко.

— Всеволод? — догадался Егор.

— Не только. Всеволод — пешка. За ним стоит кто-то пострашнее. Колдун. Настоящий, из старых, кто не растерял силу. Он хочет захватить эти земли, потому что здесь — капище. Место силы. Если он его откроет, то станет почти бессмертным.

Егор молчал, переваривая информацию. Колдуны, капища, места силы — в его мире это называли средневековыми суевериями. Но здесь, глядя в светящиеся глаза бабки, он не мог назвать это выдумками.

— Что мне делать? — спросил он.

— То, что умеешь лучше всего, — усмехнулась старуха. — Воевать. Но не за серебро и не за князя. Твоя настоящая битва — против того колдуна. Если он победит, ты никогда не вернёшься домой. Да и дома твоего, может, уже не будет.

Она замолчала, и костёр погас сам собой. Комнату наполнил запах горелой полыни.

— А теперь иди, — сказала бабка. — И помни: не всякий враг ходит в доспехах. Иной прикидывается другом.

Егор вышел на крыльцо. Ночь была тёмной, безлунной. Где-то в степи горели костры Всеволодова войска.

— Колдун, — тихо сказал он себе. — Значит, не просто война. Значит, магия.

Он потрогал нож в кармане. Сталь была холодной и надёжной. Этого оружия хватит, чтобы убить человека. Но хватит ли, чтобы убить колдуна?

Ответа он не знал.

Следующие три дня Егор почти не спал. Он изучал Звенигору так, будто готовил её к обороне от целой армии — что, в общем, было правдой.

Вместе с Малом и десятком мужиков он укрепил южную стену, где брёвна подгнили сильнее всего. Вкопал наспех сделанные колья перед воротами — чтобы конница не могла разогнаться. Организовал ночные дозоры, заставив дружинников меняться каждые два часа, чтобы не засыпали.

— Ты как кнутом хлещешь, — ворчал Могута, но делал, что велел.

Кузнец, которого звали Хитря, сделал ему два коротких ножа — не таких хороших, как «Бенчмейд», но сойдут. Прямой клинок, который Егор заказал, вышел тяжеловатым, но баланс был терпим. Северов провёл пару тренировочных схваток с Малютой, привыкая к весу.

— Неудобно, — признался он. — Но лучше, чем ничего.

— Ты бы меч взял, — посоветовал Малюта. — Меч — он для воина.

— Меч — для кавалериста, который рубит с коня. Я пеший. Мне нужно короткое и быстрое.

Малюта пожал плечами и больше не спорил.

На четвёртый день пришли вести. Дозорный с западной вышки заметил отряд — полсотни всадников,двигающихся от реки. Не степняки — тяжелая конница, в кольчугах и шлемах, с длинными копьями.

— Всеволод, — сказал Ярополк, побледнев. — Сам пришёл.

Егор поднялся на стену, всадники шли медленно, не спеша, будто на прогулке. Впереди — рослый мужчина в красном плаще, с позолоченным шлемом.

— Это он? — спросил Егор.

— Он, — кивнул князь. — Всеволод Юрьевич. Мой родич. И мой враг.

— Что ему нужно?

— Земля. Власть. И ещё... — Ярополк запнулся. — Говорят, у него появился советник. Колдун. Чёрный колдун, который обещал ему все окрестные княжества за одну только цену.

— За какую?

— За кровь. Детскую кровь.

Егор похолодел. Он вспомнил слова бабки Ожог: «Колдун хочет открыть капище, принеся жертву». Детская кровь — это древний, самый страшный вид жертвоприношений.

— Сколько ему нужно детей? — спросил он.

— Говорят, двенадцать. По числу лун в году.

— И где он их возьмёт?

— В Звенигоре двенадцать детей, — тихо сказал Ярополк. — Я считал.

Егор закрыл глаза. Теперь всё вставало на свои места. Всеволод не просто захватывает земли — он выполняет заказ колдуна. А Звенигора нужна ему не как крепость, а как место, где есть нужное количество жертв.

— Мы не отдадим детей, — сказал Егор.

— Не отдадим, — согласился князь. — Но как мы их защитим? У нас полсотни мужиков против трёх сотен.

— Мы не будем драться в поле, — ответил Егор. — Мы будем драться здесь, за стенами. И мы сделаем так, чтобы каждая пядь земли стоила им крови.

Он спустился со стены и пошёл к бабке Ожог.

Старуха сидела на крыльце, перебирала сухие корешки. Увидев его, усмехнулась:

— Ну что, воин, понял теперь, зачем ты здесь?

— Понял, — Егор присел рядом. — Скажите, вы можете помочь? Магией?

— Могу, — неожиданно легко ответила бабка. — Но ты должен понять цену. Любая магия — это плата. Я стара, мне уже немного осталось. Если я отдам всё, что у меня есть — я умру.

— Тогда не надо, — сказал Егор.

— Надо, — бабка покачала головой. — Если я не помогу, умрут дети. А это страшнее, чем моя смерть. — Она помолчала. — Я сделаю обереги. Повешу их на воротах и на стенах. Колдун Всеволода не сможет пройти сквозь них — на время. Но если он сам придёт, сломает. Тогда... тогда тебе придётся драться с ним.

— Я никогда не дрался с колдуном.

— А ты представь, что он просто человек. Со слабостями, со страхами. Колдуны сильны, когда готовятся. В бою они такие же уязвимые, как все.

— Спасибо, — сказал Егор. — Я запомню.

Он вернулся на стену, когда солнце уже садилось. Отряд Всеволода стоял в полуверсте от Звенигоры — разбили шатры, жгли костры. Завтра, скорее всего, начнётся штурм.

Рядом стоял Малюта, сжимая копьё дрожащими руками.

— Страшно? — спросил Егор.

— Страшно, — признался парень. — А тебе?

— Тоже, — не соврал Северов. — Но страх — это нормально. Плохо, когда его нет. Тогда ты перестаёшь думать и делаешь глупости.

— А ты умрёшь? — вдруг спросил Малюта.

— Постараюсь нет, — усмехнулся Егор. — У меня ещё есть дела в моём мире.

Он посмотрел на звёзды — чужие, незнакомые. Где-то там, за ними, осталась его прошлая жизнь. Пустая, серая, без цели. И только сейчас, глядя на враждебные костры, он почувствовал, что снова живёт. Не существует — а именно живёт, каждым нервом, каждой клеткой.

— Завтра покажем им, — сказал он себе. — Покажем, почём фунт лиха.

Луна поднялась высоко, и в её свете Егор увидел, как бабка Ожога вышла за ворота и начала развешивать на кольях странные пучки трав. Она что-то шептала, и воздух вокруг неё мерцал — едва заметно, как марево над раскалённой землёй.

Северов перекрестился по привычке — хотя в Бога не верил. Но здесь, в этом мире, где магия была реальной, а колдуны пили детскую кровь, верить хотелось во что угодно. Хотя бы в то, что утро наступит.

Оно наступило.

И вместе с ним пришла война.

Глава 2. Первая кровь

Рассвет встал багровый. Егор помнил приметку: красное солнце на восходе — к ветру или к крови. Сегодня, скорее всего, к крови.

Он стоял на южной стене, привалившись плечом к бревну, и смотрел на лагерь Всеволода. За ночь отряд вырос — подошли ещё степняки, теперь их было около сотни. Обоз с лестницами и тараном. Пятьдесят тяжелых всадников. И в центре, у шатра из чёрной кожи, фигура в длинном балахоне — колдун.

— Шевелятся, — сказал Малюта, появившийся рядом. — Щас пойдут.

— Не щас, — поправил Егор. — Сначала завтрак. Потом построение. Потом переговоры. У них всё по расписанию.

Он спустился вниз, где мужики доедали кашу из общего котла. Лица были напряжённые, кто-то крестился, кто-то шептал молитвы. Егор прошёл вдоль строя, заглядывая в глаза. Страх — это нормально. Плохо, когда страх превращается в панику.

— Слушайте сюда, — сказал он, не повышая голоса. — Их больше. Это факт. Но они не знают этих стен. Они не знают, где мы поставили ловушки. Мы не будем драться с ними на равных. Мы будем бить из укрытий, отходить, заманивать в узкие проходы. Каждый из вас должен убить хотя бы одного. Если убьёте — они дрогнут. У них нет цели умирать за Всеволода. У нас есть за что умирать.

— За что? — спросил кто-то из задних рядов.

— За детей, — ответил Егор. — За своих сыновей и дочерей, которые спят сейчас в подклетах. Если мы проиграем — колдун возьмёт их.

Тишина стала другой. Тяжёлой, злой.

Ярополк подошёл к Егору, положил руку на плечо.

— Ты умеешь говорить с ними, — сказал князь. — Я бы не смог так.

— Я не говорю, я объясняю, — ответил Егор. — Это разное.

Из лагеря Всеволода выехал трубач. Протрубил сигнал — тонкий, противный. Затем вперёд выдвинулся глашатай на коне.

— Ярополк Вячеславич! — закричал он. — Князь Всеволод Юрьевич предлагает тебе сдаться! Твои люди останутся живы, если ты откроешь ворота и выдашь двенадцать детей!

— Пошёл вон! — заорал в ответ Ярополк.

Глашатай пожал плечами и ускорился обратно. Через минуту войско Всеволода начало строиться для атаки.

— Малюта, — сказал Егор. — Беги к бабке Ожоге, скажи, чтобы активировала обереги. И передай: пусть готовит в подклете укрытие для детей. Если стены падут — их нужно спрятать.

Малюта кивнул и исчез.

Первая волна пошла через час. Степняки — лёгкая конница — понеслись к стенам, стреляя из луков на скаку. Стрелы втыкались в брёвна, некоторые перелетали через тын, но серьёзного урона не наносили. Егор приказал всем лечь — нечего подставляться под стрелы.

— Ждите, — сказал он. — Пусть подойдут ближе.

Когда степняки оказались в тридцати шагах, он скомандовал:

— Лучники! Огонь!

Десять местных мужиков, вооружённых простыми луками, выпустили залп. Стрелы были кривыми, слабыми, но на таком расстоянии пробивали кожаную броню. Четверо степняков рухнули с лошадей. Остальные развернулись и ушли назад.

— Не бежать! — закричал Егор, видя, что мужики начали радоваться. — Это только разведка. Сейчас пойдёт пехота.

И пехота пошла. Полсотни тяжелых дружинников Всеволода, с длинными щитами и мечами, медленно двинулись к воротам. С ними — две приставные лестницы.

— Смолу! — скомандовал Ярополк.

На стенах закипела работа. Дружинники лили кипящую смолу на головы атакующих — те кричали, откатывались назад, но лестницы всё равно приставляли. Первая взлетела на южную стену, и Егор увидел над бревном окровавленное лицо в шлеме.

Он ударил ножом — коротко, снизу вверх, в открытое горло. Тело обмякло и рухнуло назад, увлекая за собой лестницу. Но вторая лестница уже стояла, и по ней лезли новые враги.

— Могута! — крикнул Егор. — Заходи справа!

Рыжий боярин с двумя дружинниками бросился к месту прорыва. Мечи засверкали — свои против своих, одинаковые доспехи, одинаковое оружие. Егор видел, как Могута разрубил одного врага от плеча до груди, как второй дружинник получил копьем в живот и упал, захлебываясь кровью.

— Держать! — заорал Ярополк, рубясь рядом.

Егор не умел драться мечом в строю. Он делал то, что умел — уходил в тень, бил из-за спин, появлялся там, где его не ждали. Трех он зарезал ножом, пока те лезли по лестнице. Ещё двоих — когда они перепрыгнули через тын и оказались внутри крепости. Его движения были экономными, без замахов, без крика. Удар — шаг — удар.

Через час первая атака захлебнулась. Всеволодовы люди отступили, оставив у стен два десятка убитых. На стенах Звенигоры погибли семеро.

— Много, — тяжело дыша, сказал Ярополк. — У нас всего полсотни. Если так каждый раз — мы продержимся два дня.

— Не каждый раз, — ответил Егор, вытирая нож о штанину убитого. — Они тоже не бесконечны. И у них нет смолы, чтобы жечь стены. А у нас есть.

Он посмотрел в сторону лагеря. Колдун стоял у шатра, не двигаясь, и смотрел прямо на него. Егор почувствовал это — чужой, ледяной взгляд, от которого по спине побежали мурашки.

— Вижу тебя, — прошептал колдун, хотя расстояние было слишком большим, чтобы его могли слышать.

Но Егор слышал. Не ушами — чем-то другим. И понял: это только начало.

После первой атаки в Звенигоре наступило затишье. Всеволод перегруппировывал силы, подтягивал обоз, чинил лестницы. Егор использовал это время, чтобы обойти укрепления и проверить потери.

Семеро убитых лежали в ряд у северной стены — там, где бабка Ожога оборудовала временный морг. Егор знал, что так нельзя: мёртвых нужно хоронить или сжигать, иначе начнётся мор. Но сейчас было не до похорон.

— Князь, — сказал он Ярополку, — нужно сжечь тела. Своих и чужих.

— Зачем? — удивился князь. — Своих-то по-людски хоронить надо.

— Колдун может использовать мёртвую плоть, — ответил Егор, хотя сам не был до конца уверен. Но лучше перестраховаться. — Сожжём — и никакая магия не подействует.

Ярополк помрачнел, но кивнул.

— Делай, как знаешь. Ты в этом понимаешь больше.

Егор подозвал Малюту.

— Найди мужиков, пусть таскают дрова. И смолы побольше. Кострище сделаем за воротами, с подветренной стороны.

— Сделаем, — кивнул Малюта и убежал.

Егор поднялся на стену, чтобы наблюдать за лагерем противника.

Там что-то менялось. Шатер колдуна окружили факелами — днём это выглядело странно. Вокруг шатра ходили люди в чёрных балахонах, что-то рисовали на земле. Круг. Егор насчитал двенадцать фигур.

— Ритуал, — сказала бабка Ожога, появившаяся рядом. Она опиралась на клюку, но глаза её горели по-прежнему ярко. — Чёрный колдун готовится. Сегодня ночью ударит.

— Почему ночью?

— Ночью его сила больше. Луна, звёзды, тьма. Днём магия слабее.

— Что нам делать?

— Сбить круг, — старуха покачала головой. — Но это нельзя сделать издалека. Нужно прорваться к шатру и разрушить знаки. Иначе он призовет... что-то.

— Что?

— Не знаю. И не хочу знать.

Егор посмотрел на расстояние до шатра — около полуверсты. Открытое поле, залитое солнцем. Днём туда не пробраться — увидят стрелки. Ночью — темно, но колдун наверняка выставил стражу.

— Мне нужны добровольцы, — сказал он. — Человек пять. Кто умеет ходить тихо и бить ножом.

— Я умею, — раздался голос за спиной.

Егор обернулся. Малюта стоял, переминаясь с ноги на ногу, и сжимал в руке длинный охотничий нож.

— Ты ранен, — сказал Егор.

— Царапина, — Малюта показал плечо. Бабка Ожога зашила рану, и парень уже двигал рукой почти свободно. — Возьми меня, чужак. Я этих степняков ненавижу. Они мою мать убили, когда я маленький был. Я с тобой пойду.

Егор посмотрел на князя. Ярополк кивнул.

— Бери, если нужен. Малюта хоть и молод, а злой — это хорошо в бою.

— Найди ещё троих, — сказал Егор. — Тихих. Таких, кто не закричит, если увидят мертвеца.

Малюта ушёл, а Егор спустился со стены. Нужно было готовиться к вылазке.

К вечеру набралась пятёрка. Малюта, двое молодых дружинников — Вуйко и Хотен, и один старый охотник по имени Селя. Селя был самым ценным: он знал каждую тропу в округе и умел ползать по-пластунски так, что его не слышали даже собаки.

— Задача простая, — Егор начертил палкой на земле схему. — Выходим с западной стороны, где лес подходит к стене. Обходим лагерь со стороны реки. Входим с тыла, где у них кухни и обоз. Там меньше всего стражи. Пробираемся к чёрному шатру, разбираем знаки на земле — бабка Ожога сказала, это просто нарисовано мелом или кровью. После этого быстро уходим. Никаких геройств, никаких боёв. Увидели опасность — залечь. Услышали крик — бежать.

— А если поймают? — спросил Хотен, молодой парень с редкой рыжей бородёнкой.

— Не попадайтесь, — жёстко ответил Егор. — Пленных они не берут. Колдуну нужна кровь. Ваша или детская — ему без разницы.

Люди переглянулись, но никто не отказался.

Стемнело быстро. Луна ещё не взошла, и тьма стояла почти полная. Егор проверил ножи — свой «Бенчмейд» и два новых, сделанных кузнецом Хитрей. Надел тёмный бушлат поверх стёганой рубахи, которую дала бабка Ожога. Берцы замотал тряпками, чтобы не стучали.

У калитки в западной стене их ждал Ярополк.

— Без вас не начинаем, — сказал князь. — Если к утру не вернётесь — будем считать, что вы погибли. Но детей не отдадим.

— Не отдавайте, — ответил Егор. — Держитесь.
Они выскользнули в темноту.

Лес встретил их холодом и запахом прелых листьев. Селя вёл цепочку, двигаясь бесшумно, как призрак. Егор шёл вторым, за ним — Малюта, потом Вуйко и Хотен.

Через полчаса они вышли к реке. Лагерь Всеволода был впереди — костры, тени, ржание лошадей. Часовые стояли со стороны поля, но с тыла, где обоз, была только одна фигура с копьём.

— Я его уберу, — шепнул Егор. — Ждите здесь.

Он пополз. Земля была мокрой, холод пробирался сквозь штаны, но Егор не обращал внимания. Он приблизился к часовому сзади, приподнялся и зажал ему рот левой рукой. Правой, ножом, перерезал горло — быстро, чисто, без брызг.

Тело упало в траву. Егор прислушался. Никто не закричал.

Он махнул рукой, и остальные подползли.

— Туда, — показал Егор на чёрный шатёр. — Быстро и тихо.

Они пробежали между повозками, перешагивая через спящих. В животе у Егора холодным комком свернулся страх — не за себя, за этих пятерых, которые пошли за ним. Он снова чувствовал ответственность, от которой бежал пять лет.

Шатёр был рядом. На земле вокруг него — чёрные знаки, нарисованные чем-то, похожим на кровь. Егор насчитал двенадцать символов, каждый размером с ладонь.

— Стирайте, — скомандовал он шёпотом.

Они бросились к кругу, растирая знаки ногами, ножами, руками. Малюта сопел от усердия, Вуйко крестился, стирая очередную руну. Через минуту от круга не осталось и следа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.